

Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины

В. В. Михайлов¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
ул. Гастелло 15, г. Санкт-Петербург 196135, Российская Федерация

✉ e-mail: batukom@mail.ru

Резюме

Актуальность. Отношение к нарушению прав русскоязычного населения на Украине является одним из наиболее актуальных для современной Российской Федерации примером политики двойных стандартов международного правозащитного поля, требующим своего теоретического и практического ответа со стороны как российского, так и международного правозащитных сообществ.

Цель – исследовать противоречия в современной теории и практике международной правовой защиты русскоязычного населения на Украине и возможные пути разрешения конфликта на основе реализации правовой защиты групповых прав (третьего поколения прав человека) русскоязычного населения.

Задачи: показать противоречия в современной теории и проблемы в международной практике защиты языковых и культурных прав русскоязычного населения на постсоветском пространстве; рассмотреть морально-правовые аспекты защиты русскоязычного меньшинства на Украине в контексте понятия о групповых (коллективных) правах; указать на возможность применения основанных на теории третьего поколения прав человека способов защиты русскоязычного населения на Украине и преодоления длительного немеждународного военного конфликта в регионе.

Методология исследования включает общие принципы научного познания: объективность, системность, историчность, а также частные научно-исследовательские методы в области науки права.

Результаты исследования заключаются в предложениях по более активному проведению политики правовой защиты русскоязычного населения в рамках теории третьего поколения прав человека (групповых прав).

Выводы. В результате исследования показано, что теоретические обоснования групповых (коллективных) прав или прав третьего поколения могут и должны стать основой для более объективного и широкого поля применения средств правовой защиты, в том числе русскоязычного населения на Украине и в целом на постсоветском пространстве и за рубежом.

Ключевые слова: правовая защита; права человека; групповые права; языковые права; культурные права; правовой статус; русскоязычное население.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Михайлов В. В. Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 10–18. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-18>.

Поступила в редакцию 27.08.2021

Принята к публикации 24.09.2021

Опубликована 22.10.2021

The third Generation of Human Rights and the Issue of Legal Protection of the Russian-Speaking Population of Ukraine

Vadim V. Mikhailov¹ ✉

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
15 Gastello str., St. Petersburg 196135, Russian Federation

✉ e-mail: batukom@mail.ru

Abstract

Relevance. *The attitude to the violation of the rights of the Russian-speaking population in Ukraine is one of the most relevant examples of the policy of double standards of the international human rights field for the modern Russian Federation, which requires a theoretical and practical response from both the Russian and international human rights communities.*

The purpose is to investigate the contradictions in the modern theory and practice of international legal protection of the Russian-speaking population in Ukraine and possible ways to resolve the conflict based on the implementation of legal protection of group rights (third generation of human rights) of the Russian-speaking population.

Objectives: to show the contradictions in modern theory and problems in international practice of protecting the linguistic and cultural rights of the Russian-speaking population in the post-Soviet space; to consider the moral and legal aspects of protecting the Russian-speaking minority in Ukraine in the context of the concept of group (collective) rights; to point out the possibility of using methods based on the theory of the third generation of human rights to protect the Russian-speaking population in Ukraine and to overcome a long non-international military conflict in the region.

The research methodology includes the general principles of scientific cognition: objectivity, consistency, historicity, as well as private research methods in the field of the science of law.

The results of the study consist in proposals for more active implementation of the policy of legal protection of the Russian-speaking population within the framework of the theory of the third generation of human rights (group rights).

Conclusions. As a result of the study, it is shown that theoretical justifications of group (collective) rights or rights of the third generation can and should become the basis for a more objective and broad field of application of legal remedies, including the Russian-speaking population in Ukraine and in the post-Soviet space and abroad as a whole.

Keywords: legal protection; human rights; group rights; language rights; cultural rights; legal status; Russian-speaking population.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Mikhailov V. V. The third Generation of Human Rights and the Issue of Legal Protection of the Russian-Speaking Population of Ukraine. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(5): 10–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-18>.

Received 27.08.2021

Accepted 24.09.2021

Published 22.10.2021

Введение

В современном международном праве защита различных уязвимых групп, к которым относят как национальные, так и социальные группы, становится объектом все более ожесточенных теоретических споров и практических конфликтов.

Предпочтение в правозащите одних групповых интересов и игнорирование других ведет к формированию политики двойных стандартов, вследствие чего многие международные правовые институты и правозащитные учреждения теряют авторитет и влияние, становясь проводниками политических игр. Одним из

показательных примеров такой политики является отношение международных организаций, в том числе правозащитных, к нарушению прав русскоязычного населения в ходе начавшегося в 2014 г. конфликта на Украине. Длительное вооруженное противостояние, основанием которого являются нарушения основных прав русскоязычного большинства населения регионов ДНР и ЛНР, настоятельно требует выработки актуальной политики преодоления конфликта, прекращения нарушения прав человека и гарантий ненарушения их в будущем. Эти требования актуализируют проблематику исследования, в первую очередь для отечественной правозащитной теории и практики.

Методология

Методология исследования включает общие принципы научного познания: объективность, системность, историчность, а также сравнительно-правовой, системно-структурный и другие частные научно-исследовательские методы в области науки права. В основной части использовался методологический аппарат теории поколений прав человека К. Васака [1; 2], а также современных теорий группового права, как зарубежных либерального направления: В. ван Дайка [3], И. Динштейна [4] и В. Кимлики [6; 7], так и отечественные разработки Р. И. Ахметшина [8], С. Н. Горбунова и Б. А. Молчанова [9], М. Б. Напсо [10], И. С. Тарбастаевой [11], а также методологические основы теории морально-правового конфликта А. А. Боева [12] и концепции правовой защиты уязвимых групп Е. С. Алисиевич [2].

Результаты и их обсуждение

В ходе развития современной правовой теории юридическое требование недискриминации и правовой защиты всех категорий граждан, в том числе относящихся к расовым, национальным, языковым, религиозным меньшинствам, было

признано одним из основных положений, вытекающим из общего принципа наличия неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека. Однако практика правовой защиты, чаще всего основывающаяся в настоящее время на понятиях меньшинств, имеет ряд недостатков, которые проявились, в частности, в ходе внутреннего гражданского конфликта на Украине, приведшего к присоединению Республики Крым и города Севастополя к Российской Федерации и сепаратистскому движению на востоке страны и образованию провозгласивших независимость от центральной власти Донецкой и Луганской народных республик, сопровождавшегося длительным вооруженным конфликтом.

Так, принятие правительством Украины «Закона о коренных народах» ставит вопрос об идентификации народа как коренного в зависимости от наличия или отсутствия у национальной группы суверенного национального государства. В результате многим национальным меньшинствам, исторически проживающим на территории Украины, получившей государственность лишь в 1991 г., было отказано в праве считаться коренными народами Украины и, следовательно, иметь особые права на свободное пользование родным языком, развивать национальную культуру и жизненный уклад, а также участвовать в политической жизни государства как особой группе населения. При этом Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. также наделяют национальные меньшинства правом использовать родной язык при создании общественных организаций, средств массовой информации, торговых и промышленных предприятий, культурных и образовательных учреждений¹. Можно отметить, что в 1994 г. американский правовед П. Чейз, рассматривая ситуацию в

¹ Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

Крым после распада СССР и вхождения его в состав Украины, приветствовал сохранение русского языка в качестве главенствующего в этой русскоязычной автономии [13, р. 222]. Право национально-го меньшинства свободно пользоваться своим родным языком особенно отмечается и в тексте Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принятой в 2005 г.¹

Это показывает, что в системе правовой защиты меньшинств, основывающейся на национальности, имеется возможность игнорирования неотъемлемых прав личности. В то же время существуют теоретические разработки, основанные на концепции поколений прав человека, которые, на наш взгляд, могут разрешить данную правовую коллизию. Это концепция третьего поколения прав человека, или групповых (коллективных прав), основывающихся на солидарных правах группы, разработанная чешским юристом и первым генеральным секретарем Международного института прав человека в г. Страсбурге К. Васаком [14, с. 15]. Необходимость признания особой формы прав человека – групповых или коллективных прав – обосновывали как советские, так и западные правоведы. Так, известный прогрессивный американский правовед Луис Сон писал еще в 1982 г.: «международное законодательство признает не только неотчуждаемые права индивида, но и определенные коллективные права, которые могут выражать индивидуумы, образующие сообщества, в частности народы и нации. Эти права остаются правами человека, а эффективная защита коллективных прав яв-

ляется условием защиты других прав, политических, экономических или и тех, и других» [15, р. 48].

Теория групповых прав пока еще не является полной гарантией ненарушения прав группы, что связано, в первую очередь, с тем, что группа для получения своего правового статуса должна быть идентифицируема со стороны официальной власти. В различных современных теориях права групповая идентичность является чрезвычайно существенным элементом разработки целостной системы прав человека. Так, неидентифицируемая государством языковая группа в лице входящих в нее индивидов, как это произошло в Прибалтике с русскоязычным населением, может быть исключена из-под действия государственной правовой и юридической системы. Однако вопрос о соблюдении политических и языковых прав русскоязычного меньшинства члены Европарламента целиком оставили на произвол прибалтийских правительств, отмечая, что в общеевропейском пространстве Шенгена статус «неграждан» не препятствует им перемещаться и работать². Тем не менее борьба за идентификацию группы и достижение ею соответствующего правового статуса является более прочной гарантией защиты групповых прав, нежели статус национальный, который позволяет, как мы видели, полностью игнорировать основные права на культуру, язык и религию, как это происходит на Украине.

Классик либеральной теории права Уилл Кимлика отмечает два способа идентификации групп, в том числе национальных, с целью преодолеть внутренние конфликты. Первый способ – негативный – «денационализация» меньшинств, предполагающая идеологию централизованного государства, при которой активные требования соблюдения групповых прав отвергаются как сепара-

¹ Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принята 20 октября 2005 года на Генеральной Конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций; ЮНЕСКО. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml. (дата обращения: 10.08.2021).

² В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. URL: <https://life.ru/1118832/> (дата обращения: 10.08.2021).

тизм и национализм. Альтернативой этому Кимлика считает «разделенное гражданство», близкое к федерализации, и даже к конфедерации американского типа [7, р. 128–131]. Несмотря на то, что ряд правоведов видит в «разделенном гражданстве» У. Кимлики больше проблем, чем их решений, поскольку каждое государство «имеет свою историю населения и того, как граждане решают вопросы совместного проживания» [16, р. 21], первый тип решения проблем решения групповых прав отвергается подавляющим большинством, как не соответствующий не просто современным демократиям, но просто как антигуманный и антицивилизованный. Однако именно этот способ «денационализации» русскоязычного населения явно имеет место на Украине после переворота 2014 г.

Нарушение групповых прав русскоязычного населения Украины имеет помимо правового, также и морально-нравственное измерение, поскольку является нарушением «сохраняющих устойчивость системы нравственных отношений, сложившихся в обществе» [12, с. 99]. Как отмечает в своем исследовании С. Р. Алексаян, «...совершенный в Украине государственный переворот и последовавшая за ним политика принудительной ассимиляции русскоязычного населения, сопровождавшаяся многочисленными нарушениями прав человека по лингвистическому и национальному признаку... создали те самые особые обстоятельства, давшие Крыму легитимные с точки зрения международного права основания к отделению» [1, с. 124–127]. Либеральный теоретик П. Джонс развивает идею того, что именно моральный статус группы должен обуславливать его «правовую идентификацию», причем независимо от морального статуса входящих в группу индивидов [17, р. 79].

Глава мадридского офиса Европейского Совета по международным отношениям политолог Хосе Игнасио Торребланка утверждает, что «Россия нарушила условия Будапештского меморан-

дума «О гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», подписанного 5 декабря 1994 г. лидерами Украины, США, России и Великобритании»¹, дающего гарантию Украины на территориальную целостность. Но в принятом дополнительно к меморандуму заявлении лидеров Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Украины были указаны пункты, согласно которым представитель Украины Л. Д. Кучма подтвердил обязательства страны обеспечить, «чтобы страны и народы не подвергались более угрозе военной силы или другим нежелательным последствиям агрессивного национализма и шовинизма» [совместное]. События на Украине после смены власти в 2014 г. показали значительный рост этих настроений, угрозу безопасности русскоязычного населения и нарушение меморандума, что и привело к решению народа Крыма. При этом Будапештский меморандум, накладывая обязательство «уважать» территориальную целостность стран, не накладывает обязательство на Россию или другие страны-подписанты принуждать народы Крыма остаться в составе Украины или иным способом препятствовать осуществлению права народов на политическое и национальное самоопределение².

Если пример Крыма можно назвать в правовом смысле территориальной реституцией – возвратом территории, ранее принадлежавшей Российскому государству в его разных формах, а не сецессией

¹ Торребланка Х. И. Десять нарушений международного права, совершенных Россией на Украине // Иносми. 2015. 18 февр. URL: <https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm> (дата обращения: 10.08.2021).

² Совместное заявление, сделанное 5 декабря 1994 года в Будапеште лидерами Российской Федерации, Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Украины // Генеральная Ассамблея ООН. Сорок девятая сессия. Пункты 62 и 70 повестки дня. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.

и тем более оккупацией (поскольку русскоязычное население составляло к моменту проведения референдума о присоединении к Российской Федерации абсолютное большинство), то в отношении ДНР и ЛНР имеет место иная групповая расположенность населения и, следовательно, иная форма прекращения пребывания в составе государства, нарушающего законные права значительных групп населения, как по национальному признаку, так и по признакам культурно-языковой идентификации. При этом русскоязычное большинство, как русских, так и украинцев и иных национальностей, имеет все права на свою языковую и культурную идентичность.

Разрешение культурно-национального конфликта на Украине несомненно, связано с тем, какой будет постконфликтная политика украинского государства. Так, русскоязычное население ДНР и ЛНР имеет полное право на требование компенсации за несправедливое отношение и непризнание своих неотъемлемых прав, отраженное в законодательных актах Украины, начиная с принятия «языкового закона» и отрицания для русскоязычных украинцев статуса «коренного народа» в законе «О коренных народах». Можно отметить, что «...правовая система либерального государства отдает предпочтение не признанию группового права на компенсацию, а мерам по практическому улучшению положения сообщества, на такое признание претендующего. В США эта практика заключается в так называемых “аффирмативных мерах”, т. е. неформальным признанием прав понесших тот или иной ущерб групп, заключающемся в признании и принятии мер по компенсации ущерба в отношении установленного числа лиц» [18, с. 296]. Однако, как по-

казывает международный опыт, эта практика не создает достаточных гарантий того, что нарушение прав не повторится в будущем. Только достаточно четко и точно определенные правовые инструменты, включая законодательство, устанавливающее необратимость гарантий языковых, культурных, религиозных и политических прав ранее ущемляемых групп, могут прекратить внутренний гражданский конфликт. В противном случае население может требовать от мирового сообщества реализации своего законного права на самоопределение. При этом «...не должен нарушаться принцип единства законов, одинаково защищающих любого гражданина, к какой бы категории он ни относился» [19, с. 39].

Выводы

Наличие групп населения, подвергающихся тем или иным формам дискриминации, произвола и несправедливости, ставят вопросы защиты групповых прав на первое место в современной повестке как теории, так и практики правовой защиты. При этом теоретическая систематизация должна основываться и кристаллизироваться вокруг наиболее разработанных областей права, имеющих признанное обоснование и практическую реализацию, подтвержденную прогрессивным движением обществ, их реализующих, к главной цели – осуществлению всеобщих прав человека. Теоретические обоснования групповых (коллективных) прав или прав третьего поколения могут стать основой для более объективного и широкого поля применения средств правовой защиты, в том числе русскоязычного населения на Украине и в целом за рубежом.

Список литературы

1. Алексанян С. Р. Принцип равноправия и самоопределение народов в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 228 с.

2. Алисиевич Е. С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве. М.: РУДН, 2012. 431 с.
3. Van Dyke V. Collective entities and moral rights: problems in liberal-democratic thought // *The Journal of Politics*. 1982. No. 44. P. 21–40.
4. Dinstein Y. Collective human rights of people and minorities // *International and Comparative Law Quarterly*. 1976. No. 25. P. 116–119.
5. Ethnicity and group rights / ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. New York, London: New York University Press, 1997. 656 p.
6. Kymlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 290 p.
7. Kymlicka W. Justice and security in the accommodation of minority nationalism: comparing East and West // *The Politics of Belonging: Nationalism, Liberalism and Pluralism* / ed. A. Dieckhoff. New York: Lexington, 2004. P. 127–154.
8. Ахметшин Р. И. К проблеме третьего поколения прав человека (международно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 167 с.
9. Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Возмещение вреда за исторические несправедливости. Архангельск: КИРА, 2013. 489 с.
10. Напсо М. Б. Этнические коллективные и индивидуальные права: выбор между правами народов и культурными правами индивида // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 50. С. 102–110.
11. Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: сборник научных трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева. Новосибирск: Манускрипт, 2017. 196 с.
12. Боер А. А. Морально-правовой конфликт: теория и практика разрешения и совершенствования. СПб.: ГУАП, 2015. 128 с.
13. Chase P. Conflict in crimea: an examination of ethnic conflict under contemporary model of sovereignty // *Columbia Journal of Transnational Law*. 1995. No. 34. P. 219–254.
14. Михайлов В. В. О некоторых противоречиях в определении правового статуса групп (коллективов) в современной западной и отечественной теории правовой защиты // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2021. № 1 (50). С. 15–20.
15. Sonh L.B. The new international law: protection of the rights of individuals rather than States // *UN Law Review*. 1982. Vol. 10, is. 1. P. 48.
16. Smith R. Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 236 p.
17. Jones P. Human rights, group rights and people's rights // *Human Rights Quarterly*. 1999. Vol. 21, P. 78–83.
18. Михайлов В. В. Правовой механизм компенсации за несправедливые действия против групп меньшинств: автономия и национальное самоопределение как формы защиты коллективных (групповых) прав национальных меньшинств // *Закон. Право. Государство*. 2020. № 3 (26). С. 294–303.
19. Антохина Ю. А., Боер В. М., Глущенко П. П. Правозащитная деятельность: теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. СПб.: ГУАП, 2016. 562 с.

References

1. Aleksanyan S. R. Princip ravnopraviya i samoopredelenie narodov v sovremennom mezhdunarodnom prave. Diss. kand. jurid. nauk [The principle of equal rights and self-

determination of peoples in modern international law. Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 2017. 228 p.

2. Alisieievich E. S. Pooshchrenie i zashchita prav uyazvimykh grupp v mezhdunarodnom prave [Promotion and protection of the rights of vulnerable groups in international law]. Moscow, RUDN Publ., 2012. 431 p.

3. Van Dyke V. Collective entities and moral rights: problems in liberal-democratic thought. *The Journal of Politics*, 1982, no. 44, pp. 21–40.

4. Dinstein Y. Collective human rights of people and minorities. *International and Comparative Law Quarterly*, 1976, no. 25, pp. 116–119.

5. Ethnicity and group rights; ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. New York, London, New York University Press, 1997. 656 p.

6. Kimlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford, Clarendon Press, 1995. 290 p.

7. Kymlicka W. Justice and security in the accommodation of minority nationalism: comparing East and West. *The Politics of Belonging: Nationalism, Liberalism and Pluralism*; ed. by A. Dieckhoff. New York, Lexington, 2004, pp. 127–154.

8. Ahmetshin R. I. K probleme tret'ego pokoleniya prav cheloveka (mezhdunarodno-pravovye aspekty). Diss. kand. jurid. nauk [On the problem of the third generation of human rights (international legal aspects). Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 1999. 167 p.

9. Gorbunov S. N., Molchanov B. A. Vozmeshchenie vreda za istoricheskie nespravedlivosti [Compensation for historical injustices]. Arhangel'sk, KIRA Publ., 2013. 489 p.

10. Napso M. B. Etnicheskie kollektivnye i individual'nye prava: vybor mezhdru pravami narodov i kul'turnymi pravami individa [Ethnic collective and individual rights: the choice between the rights of peoples and the cultural rights of the individual]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestiya of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 50, pp. 102–110.

11. Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki: sbor-niki nauchnykh trudov [Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice: collection of scientific papers]; ed. by Yu. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2017. 196 p.

12. Boer A. A. Moral'no-pravovoj konflikt: teoriya i praktika razresheniya i sovershenstvovaniya [Moral and legal conflict: theory and practice of resolution and improvement]. St. Petersburg, GUAP Publ., 2015. 128 p.

13. Chase P. Conflict in crimea: an examination of ethnic conflict under contemporary model of sovereignty. *Columbia Journal of Transnational Law*, 1995, no. 34, pp. 219–254.

14. Mihajlov V. V. O nekotorykh protivorechiyah v opredelenii pravovogo statusa grupp (kollektivov) v sovremennoj zapadnoj i otechestvennoj teorii pravovoj zashchity [On some contradictions in determining the legal status of groups (collectives) in the modern Western and domestic theory of legal protection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj juridicheskoy akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2021, no. 1 (50), pp. 15–20.

15. Sohn L. B. The new international law: protection of the rights of individuals rather than States. *UN Law Review*, 1982, vol. 10, is. 1, pp. 48.

16. Smith R. Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 236 p.

17. Jones P. Human rights, group rights and people's rights. *Human Rights Quarterly*, 1999, vol. 21, pp. 78–83.

18. Mihajlov V. V. Pravovoj mekhanizm kompensacii za nespravedlivye dejstviya protiv grupp men'shinstv: avtonomiya i nacional'noe samoopredelenie kak formy zashchity kollektivnyh (gruppovyh) prav nacional'nyh men'shinstv [The legal mechanism of compensation for unfair actions against minority groups: autonomy and national self-determination as forms of protection of collective (group) rights of national minorities]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Law. Right. State*, 2020, no. 3 (26), pp. 294–303.

19. Antohina Yu. A., Boer V. M., Glushchenko P. P. Pravozashchitnaya deyatel'nost': teoriya i praktika zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov cheloveka i grazhdanina [Human rights activity: theory and practice of protection of human and citizen rights, freedoms and legitimate interests]. St. Petersburg, GUAP Publ., 2016. 562 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Михайлов Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: batukom@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9967-8572

Vadim V. Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: batukom@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9967-8572